

Роль хозяйственно-торговых связей в процессе вхождения Северного Кавказа в экономическую систему России (первая половина XIX в.)

Хозяйственно-торговое взаимодействие народов Северного Кавказа и российских переселенцев послужило одним из действенных механизмов, содействующих включению региона в общеимперское экономическое пространство.

У автохтонного населения, получавшего лично ощутимые выгоды от собственной предпринимательской деятельности в экономическом и правовом поле Российской империи, постепенно формировалось российское мировоззрение. Таким образом, горцы и кочевники северокавказского региона могли пользоваться всеми теми преференциями, которые гарантировало государство своим подданным, что действовало на умы гораздо убедительнее абстрактных воззваний либо силовых акций. Соответственно, по мере укрепления партнерских связей и осуществления экономической интеграции все больше представителей населения Северного Кавказа, добровольно вовлеченных в этот процесс, фактически становились гражданами многонародной империи с типично российским мировоззрением.

Генерал Н.Н. Муравьев, бывший одним из российских наместников на Кавказе в период с 1840 по 1844 гг., обозначил несколько факторов, влияющих на успешное замирение региона и его вхождение в общеимперское поле. В целом эти замечания точно отражают суть тех различных усилий, приложенных правительством: покорить Кавказ можно не одними военными методами, но и гуманитарной деятельностью – проповедями, учреждением учебных заведений, развитием торговли и промышленности среди горского населения [3: 65].

Указанные преимущества мирных (в основном экономических) методов должны были содействовать формированию у горцев Северного

Кавказа пророссийских настроений, изменению ментальных установок и осознанному самоопределению населения региона как граждан империи.

Исследователями достаточно полно описаны особенности хозяйственно-экономической жизни горских народов, которая имела комплексный характер. Успешно развивались ремесла, земледелие, скотоводство. Однако вся производимая продукция покрывала лишь личные нужды населения, что характерно для натурального типа хозяйствования [5: 133; 10: 41-53; 12: 15-18]. Но для того, чтобы изменить устоявшиеся традиции и помочь горцам выйти со своими экономическими предложениями на российский рынок, следовало приложить немало сил. В связи с этим одной из задач, реализуемых посредством административного ресурса, было расширение круга интересов и потребностей автохтонов. За счет этих «роскошеств» предполагалось сформировать новые бытовые привычки, изменить образ жизни коренного населения Кавказа. Планируемым итогом преобразований должно было стать изменение ментальных представлений и стереотипов о горцах. Идеальным героем становился мирный труженик, который мог успешно обеспечивать себя и свою семью, не прибегая к набеговому промыслу с риском для жизни.

В документе «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия», подготовленном адмиралом Н.С. Мордвиновым, подробно изложена конечная цель усилий российской администрации. Суть заключена в том, чтобы шире использовать бытовые контакты, учредить школы, в которых приобщать детей горской верхушки к русской культуре, причем делать это с соблюдением привычных обычаев и традиций. Тем самым сближение на фоне формирования новых привычек и традиций среди горцев должно было способствовать смягчению их нравов, содействовать культурному заимствованию российского опыта в бытовом, нравственном, образовательном и т.д. плане. Российская сторона при этом выступает как источник различных товаров и услуг, которые доступны для местного потребителя [9: 266].

В итоговых положениях документа адмирал указывал, что для восстановления добрососедских отношений с воинственными кавказскими жителями следует дружески сблизиться с влиятельными представителями знати. Используя древние и особо почитаемые традиции гостеприимства, нужно заключить с ними мирные соглашения и щедро одарить землями в плодородных степях, на равнине. Такое выгодное приобретение способно подтолкнуть «родоначальников» к тому, чтобы они захотели добровольно стать российскими подданными. В дальнейшем спокойное сосуществование и возможности успешного ведения

хозяйства должны убедить и иных их соплеменников оставить оружие и обратиться к мирному труду на благо своего общества и державы в целом. Усилить эти настроения способны развивающиеся торговые связи, оказание взаимных услуг, общность прочих интересов, вкусов, нравов [9: 268-269].

Можно заметить, что предлагаемым Н.С. Мордвиновым мерам свойственен некий идеализм, но здесь важно то, что этот влиятельный политик рассматривал дипломатические и экономические методы в качестве ведущих в деле «замирения» Северного Кавказа. Это указывает на то, что российская администрация намеревалась избегать военных акций и кровопролития, по возможности обращаясь к более долгим и трудным способам сближения с непокорными народами. Несомненно, что это были разумные, как с политической, так и экономической точки зрения, предложения.

В этой связи установление хозяйственных и торговых отношений с кавказским населением было одним из приоритетов в реализуемой имперской стороной политике в регионе. Торговые связи как наиболее перспективная область экономики стали базовой сферой для последующего развития межкультурного сотрудничества. Приобретая друг у друга различные товары, горцы и российские переселенцы становились участниками исторического диалога, в котором они старались уловить и понять специфические черты этнической культуры, национального характера своего нового партнера.

В ходе осуществлявшегося торгового обмена происходило не только экономическое взаимодействие, но завязывались дружеские отношения, а также осуществлялась органичная солидаризация горского и российского населения. Это означало, что в едином пространстве империи каждый из ее подданных ощущал себя ее частью, мог реализовывать свои интересы и цели наравне с остальными, независимо от собственного происхождения.

Запреты и ограничения, введенные в тот период, имели временный характер и были обусловлены особенностями и неоднозначностью ситуации на Северном Кавказе. Пока еще существовали существенные различия в этнокультурной специфике населения региона, а потому должно было пройти время, чтобы традиционные для местного населения модели поведения были отвергнуты как контрпродуктивные. Здесь имеются в виду набеговая практика, которая длительное время мешала конструктивному культурному диалогу и торгово-хозяйственным отношениям между кавказцами и русскими поселенцами.

Приведенный С. Броневским список товаров, которые предла-

гались населению региона, свидетельствует о повседневном спросе, постепенно изменяющемся под влиянием российского предложения. Упоминались различные виды материи, металлическая посуда, сундуки и т.п. [5: 142]. Среди товаров, пользующихся стабильным спросом на меновых дворах, следует упомянуть и зерно, производимое русскими в осваиваемых ими предкавказских степях. Горцы покупали его, так как особенности хозяйствования не позволяли им в полной мере обеспечить себя своим хлебом [15: 257].

Интерес для российских колонистов представляли различные материалы, изготавливаемые кавказцами, например кожи и шкуры различных животных, сукно, войлок и готовая одежда, а также мед, воск, фрукты, сливочное масло и другие продукты [5: 142-143]. Приобретаемые товары нужны были как для удовлетворения собственных потребностей, так и в качестве материалов для изготовления другой продукции, которую предстояло продать в других российских областях. Как правило, посредники-реализаторы закупали эти товары довольно крупными партиями, что позволяло им иметь стабильный доход от этого предприятия.

Так, в 1825 г., когда происходило вооруженное противостояние на территории Чечни, местные жители привезли на рынок в г. Кизляр свежие фрукты. Отметим, что торговцы были настроены на успешную реализацию своего скоропортящегося товара, они тщательно подготовились к поездке, учли спрос городского населения и не собирались ни под каким предлогом отказываться от поставленной цели [1: 67].

Следует указать, что совокупность экономических условий для успешной торговли была довольно стабильной, а происходившие колебания не меняли рыночной конъюнктуры – спрос и предложение были тесно взаимосвязаны.

Товары российского производства представляли интерес для горцев, что обусловлено в частности и тем, что иная продукция не допускалась на рынки Северного Кавказа. По мере расширения своего политического и экономического влияния в регионе Россия выдавала отсюда своих оппонентов – Персию и Оттоманскую Порту, которые предлагали к реализации другие виды продукции [8: 23-25].

Горцам, посещавшим меновые дворы, стремились оказать уважительный прием, обращая внимание на их социальное положение. Кроме того, царская администрация намеревалась учесть сложившуюся в кавказских обществах иерархическую систему и включить ее в подобные структуры, уже существовавшие в Российской империи. Так, в указе Г.А. Емануеля от 17 февраля 1827 г. речь шла о том, чтобы карантинные чиновники обращали внимание на существенные различия между пред-

ставителями кавказского духовенства, «князьями, узденями и их холопами» и размещали их «в пассажирских покоях» сообразно социальному статусу, т.е. предоставляли удобства в соответствии с сословными различиями [13: 52]. Такой подход был необходим, кроме того, он был понятен самим автохтонам, так как важным фактором для того, чтобы закрепить результаты мирного диалога, были доверие и расположение горской знати. Если не соблюдать эти особенности кавказского этикета, то сформировать российское мировоззрение у жителей Кавказа было бы весьма затруднительно.

Историки отмечают, что система меновых дворов, созданная для упорядочивания торговых отношений, была далеко не идеальной [11: 57]. В укор ее создателям ставятся следующие моменты: тотальный бюрократизм данной системы, несоответствие реальной стоимости товаров выставленной цене на них (например, на соль), подчиненность торгово-экономической ситуации политической обстановке в регионе и др. Это справедливые замечания, однако при всех упомянутых сложностях только таким образом возможно было приобщить кавказцев к особенностям жизни в империи с ее государственными порядками и законами. Российская сторона гарантировала соблюдение прав своих граждан, но ответной мерой становилось выполнение ими оговариваемых обязательств, что укрепляло отношения участников торгового взаимодействия благодаря соблюдению интересов всех сторон. Так изменялось сознание кавказцев, формировалось российское мировоззрение, характерное для подданных многонародной империи. Тот факт, что меновые дворы и соляные магазины становились элементом повседневности на Линии, подтверждал присутствие у значительной части населения региона экономической потребности в их стабильной работе [6: 4, 11-12].

Стараясь приобщить горцев к мирной жизни под покровительством империи, царская администрация готова была предпринимать шаги, которые не гарантировали быстрого результата и молниеносного решения проблемы, но работали бы на долговременный и надежный итог в виде политических и культурных выгод. Кстати, генерал А.П. Ермолов, которого часто упрекают в предпочтении жестких военных методов в деле «замирения» Кавказа, рекомендовал отменить таможенные сборы, чтобы было проще налаживать торговые отношения с местными народами. В своем письме, адресованном министру финансов Д.А. Гурьеву, он отмечал, что лишь торговля является тем действенным средством для эффективного сближения с кавказцами, которое впоследствии даст ощутимые дивиденды, ради чего следует отступить от действующих таможенных инструкций, предоставив больше свободы. Упрощение процедур

проверки и выдачи разрешений всем желающим может способствовать не только всплеску спроса на различные российские товары, необходимые для обустройства комфортного быта и удовлетворения других нужд, но и приобщит к труду на земле тех горцев, которые почувствуют от этого предприятия большую выгоду. Кроме того, свободные торговые отношения сблизят отдельных людей, сделают равноправными партнерами. Этот процесс потребует со стороны администрации не так много средств, однако его успешное течение способно изменить и образ жизни недавних врагов, и их мироощущение. Улучшив свое благосостояние благодаря торговому делу, кавказцы станут пекься о земных благах и собственном имуществе как результатах честного труда, что отвергнет их от разбойничьего промысла [2: 203].

О том, что дело сдвинулось с мертвой точки, говорит тот факт, что активно стали развиваться торговые пути через Каспийское море (от Кизляра до Астрахани). В трюмах кораблей находились как товары, предлагаемые производителями с Северного Кавказа, так и востребованные горским населением [7: 94-95].

Конечно, наладить экономические связи в регионе было непросто, ведь традиционно в кавказском обществе купец не рассматривался как торговый партнер – он становился источником добычи. Несмотря на то, что существовала реальная потребность в российской продукции, существовала угроза организации бесперебойного торгового обмена. В этой связи далеко не все российские купцы готовы были устанавливать деловые отношения с горскими представителями. Первоначально в торгово-экономической сфере были заняты в основном армянские торговцы.

По замечанию С. Броневского, предмет торговли составляли местные изделия, продукты питания, вино. И хотя этот рынок не имел большого оборота прибыли, тем не менее, его организация свидетельствовала о «нравственной победе» армян над хищническими обычаями кавказцев и над «насильственным управлением сей страны». Дело в том, что купец, избравший определенную сферу предпринимательства, вынужден был столкнуться с множеством сложностей в правовом устройстве своего дела, заплатить налоги и пошлины. Бывало, что и после всего этого он подвергался нападению горцев, разорявших его обозы и угрожавших не только благосостоянию торговца, но и его жизни [5: 452-453]. С большим риском для себя строили купцы свое дело. В свою очередь местные власти на Кавказе содействовали армянским торговцам, так как благодаря их трудной деятельности горцы могли не только лишь получить доступ к продукции российской промышленности и исполь-

зовать ее в повседневном быту, но и оказаться сопричастными империи, их производившей.

Российская администрация была осведомлена о тех сложностях, которые вставали на пути торговцев, взаимодействующих с горцами. Так, на это указывают слова генерала Н.С. Завадовского, занимавшего должность командующего войсками на Кавказской линии и Черномории. Он писал, что за р. Лаба закубанские армяне торгуют с горцами при поддержке российской администрации, обеспечивавшей им безопасность. Если же кто-либо из купцов решает тайно и самостоятельно вести свои дела, то в таком случае они представляют для горцев легкую добычу, так как те «всемерно стараются захватывать не только русских, армян, но и покорных нам азиатов» [14: 262]. Здесь есть косвенное указание на то, что в среде кавказцев началось размежевание, и часть из них уже воспринималась соплеменниками как ментально иные, пророссийски настроенные люди.

Тем не менее, полностью запретить армянам торговать в «непокорных аулах» российские власти не могли, тем более, если эта местность была для купцов не только источником прибыли, но и домом. Например, в 1848 г. в период неурожая ногайцы были лишены возможности продавать зерно в магазинах на Линии. Армяне же отпускали в их аулы значительное количество проса, что позволило кочевникам получить необходимые продукты потребления. Кроме того, торговая деятельность армянских купцов помогала закрепиться на р. Кубани и российским поселенцам. Если же армянам запретить такую свободную торговлю, то они не смогут окупить затрат на дозволенную работу при меновых дворах, разорятся и станут жить замкнуто в своих аулах, как было это прежде [14: 262-263]. Следует отметить, что местные власти демонстрировали покровительство не одним армянам, но и привлекали к торговому делу подобным благосклонным отношением представителей других кавказских народов.

Схожим торговым промыслом занимались, помимо армян, также и горские евреи, которые смогли в полной мере на себе прочувствовать заступничество империи. Профессор И. Березин оставил следующее воспоминание после своей поездки в Дагестан: «Дети Израиля» с древних времен живут на Кавказе, занимаясь преимущественно ремеслами. Однако под властью мусульман они столкнулись с произволом, который проявлялся в фактах самосуда и насилия над «жидами». С пришествием на Кавказ российской власти их безопасности ничто уже не угрожает. Так, в Тарху они имеют возможность заниматься своими обычными делами, в частности торговлей «бумажными материями» [4: 56].

По-видимому, евреям удалось одними из первых воспринять российское мировоззрение именно благодаря тому, что они сумели встроиться в ту правовую систему, которую распространяла империя в регионе, и получить свои выгоды от установившихся новых порядков.

Однако не следует оценивать ситуацию в исключительно позитивном ключе, ведь налаживание торгово-хозяйственных связей на Кавказе было в самом начале своего развития. Предстояло осуществить трудную работу по приобщению недоверчивых автохтонов к новым для них бытовым удобствам и «роскошностям», которые отражали бы положительные стороны российского присутствия в регионе. Ассортимент предметов, которые были выставлены на продажу, был достаточно скуден, что мог отметить любой путешественник. Так, в записях И. Березина есть описание рынка в Тарху, представлявшего собой, по словам очевидца, «безмолвную могилу». Те лавки (а их насчитывалось не более 30-ти), которые работали здесь, имели немного товара, а основной спрос имели хлопковая и верблюжья шерстяная ткань, а также татарские башмаки [4: 58-59]. Таким образом, российская промышленная продукция в этот период пока не была представлена в торговых учреждениях на Кавказе, а это существенно затрудняло интеграцию региона в единое экономическое поле империи, соответственно, и тормозило изменение самосознание автохтонов, которые пока не обладали российским мировоззрением и зачастую были настроены враждебно.

Библиографический список

1. Акиев Х.А. Материалы Кизлярской таможни 1825-1828 годов как источник изучения торговых связей Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С.60-69.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1874. Т. 6. Ч. 1. 941 с.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1888. Т. XI. 1020 с.
4. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, Москва, Санкт-Петербург, 1849. 167 с.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. 465 с.
6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп. 1. Д. 52.
7. Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 88-102.
8. Илясова А.А. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII- первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012. 29 с.

9. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.
10. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 41-53.
11. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827); под ред. В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.
12. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1965. 230 с.
13. Русско-адыгейские торговые связи 1793-1860 гг.; сост.: А.О. Хоретлев, Т.Д. Алферова. Майкоп, 1957. 180 с.
14. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов; выявление, археография и составление Т.Х. Кумыков. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 488 с.
15. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. 351 с.